между Россией и Кембриджем

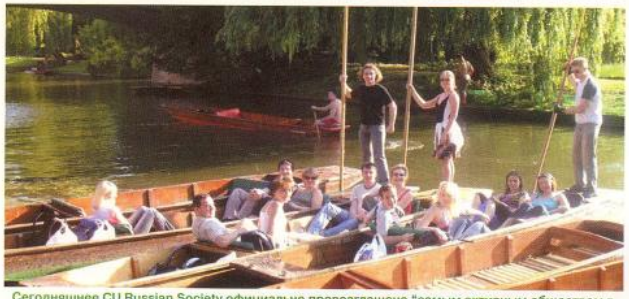
Владимир ОРЛОВ

Культовый российский писатель Владимир Пелевин сравнил Россию с носителем эмбриона "чужого" из известного голливудского блокбастера. Того самого чудовища, которое растёт в человеческом теле и вырывается на волю, разрывая грудную клетку своего кормильца. Только впоследствии неожиданностью для дитя-отцеубийцы становится то, что оно само потом становится таким же инкубатором для очередного монстра - и повторяет судьбу своих собственных жертв. Так, Советская власть успешно произвела революцию в России, но и в свою очередь погибла от антисоветизма, выросшего в её собственном чреве. Так было, - очевидно, так будет идти и дальше... Печально, но это наш modus vivendi.

«Чужой», как известно, распространяет свои споры и на другие удалённые галактики и планеты. И вот, добро пожаловать в нашу Великобританию, дорогие читатели! Английская Белоснежка уже надкусила яблочко! Процесс пошёл, полоний идёт по трубам... Не случайно мудрые картины, типа фильмов о Джеймсе Бонде, или недавний шедевр Eastern Promises серьёзно предупреждают невинных англичан о всеобъемлющем нашествии - Russian threat, говорят. Нехитрый вопрос, кто кого одолеет, решится со временем. Недолговечность многих русских колоний, переваренных в испытанном желудке Америки, хорошо известна. Устоит ли интеллигентная Англия против русской пищи и водки?

Несмотря на общепринятость понятия "Russian Britain", спектр явлений, которые оно под собой подразумевает, достаточно широк. Порой это целые организации, которые, подобно хищникам, вырвавшимся из опостылевших им российских заповедников, соблюдают дистанцию между собой, близко к себе не подпуская. Есть и такие, что, в лучших традициях исконно русского кота Леопольда всегда готовы дружить даже с самыми серыми мышами. Есть русские, которые вообще не желают здесь общаться с русскими (знаменитая блоковская "любовь, которая и жжёт, и губит"). И, наконец, вообще не русские, но которые влюбились в нас - сначала из-за какого-нибудь русского фильма или книги. Те, которые чувствуют к нам что-то, но не всегда в состоянии определить, что именно. Это простая, обычная любовь, которая тоже есть не сахар. Поселившаяся в них русская тоска.

Всем, кто родился и вырос в России, о русской тоске прожужжали все уши. Борис Гребенщиков её назвал "древнерусской" - хотя "новорусской" она является не в меньшей степени. Единственное, это не та тоска по Родине, о которой писали Владимир Набоков в 20-е годы, русские философы и поэты эмигранты, включая Н. Бердяева, Сашу Чёрного. Это - тоска изначальная, онегинская; которая дозированно проникает в кровь, свидетельствуя о зарождении вышеупомянутого червя сомнений в твоём сознании. =>



Сегодняшнее CU Russian Society официально провозглашено "самым активным обществом в Кембридже" (около тысячи участников). За последние два года Кембридж по приглашению общества посетили Борис Гребенщиков, Сева Новгородцев и Леонид Парфёнов.

Композитор С. Прокофьев испытывал похожие чувства, говоря о том, что "мои земляки и я носим свою землю с собой. Конечно, не всю, а только совсем немного – ровно столько, сколько сначала делает немножко больно, потом всё больше, больше и больше, пока это нас не сломит. Вы не можете это понять до конца, потому что вы не знаете землю моей родины...". Прокофьев вернулся, как и С. Эйзенштейн, как и многие другие - даже в яркие и трагические 30-е годы. Сегодня большинство из нас не хочет обратно на целину. В этом наше главное отличие от предыдущих поколений эмигрантов.

И всё же налицо некое стремление идентифицировать себя как нацию. Ради этого мы создаём общества, устраиваем концерты и мероприятия, выпускаем газеты и журналы - жертвуем невероятным количеством своего времени и сил во вред своей карьере и благосостоянию. "Со своей земли - не сходи" - говорит Александр Невский из одноимённого фильма в ответ на выгодное предложение работодателя из Золотой Орды. Мы поступили прямо противоположным образом, и мало кто сожалеет об этом. Сомнения же в благородстве подобного шага постоянно высказываются и обдумываются.

"Моя родина как свинья жрёт своих сыновей", - эта жестокая фраза БГ запала в душу многим нашим соотечественникам, судя по колонкам прессы. Раз уж мы пошли сравнивать Россию с самыми разными существами, то не грех доплыть и до рыб. Среди глубоководных обитателей существуют такие, которые могут случайно поглотить свои собственные икринки, если те не отнесёт достаточно далеко по течению. Также и упомянутые хищники выгоняют своих детей из дома, как только они достаточно возмужают. Данная аналогия кажется гораздо более точной в нашем случае: Россия обеспечила нормальное детство и образование очень многим их тех, кого здесь зовут Russians. Ненужными у себя на родине мы стали, уже когда выросли; и львиная доля эмигрантов не смогла бы себя реализовать в российских глубинках так, как мы делаем это в стране туманных альбионов.

И, словно в отместку тому, что мы наслышаны о себе с пелёнок - о том, что русские лентяи, пьяницы и не имевшие своих собственных талантов, т.п. - мы вовсю вкалываем, ведём здоровый образ жизни и достигаем высоких академических отличий. Творим всё то, чего не могли или не хотели делать в России. Но сумеет ли русский "чужой" не только прижиться, но и пустить корни в английский организм? И что за формация образуется в результате?

Кембридж - заслуженный и старый город в Англии, в течение столетий налаживал свои связи с Россией. Из наиболее знаменитых событий - несколько приездов в Кембридж Ивана Тургенева, награждение почётными степенями Ильи Мечникова, Ивана Павлова, многих других. В память о посещении Кембриджа П.И. Чайковским, удостоенным почётной степени доктора музыки в 1893 г, до сих пор устраиваются торжественные ужины. Как-то раз, один из гостей попросил пепси-колы - вопреки тому, что меню было бережно воссоздано в точности с того ужина, который вкушал Пётр Ильич более столетия назад. Организатор мероприятия, учёный и член знаменитого King's College велел отказать гостю, тем самым показав себя ярым поборником английских традиций - несмотря на свой украинский паспорт.

Как видно, Кембридж изобилует проявлениями a la Russe и в историческом, и в современном аспекте. Именно здесь - опять же, немножко поотстав от Оксфорда, возникло первое сообщество русских эмигрантов, руководителем которого явился Владимир Набоков (1920-е г.). Впоследствии русские общества внутри Университета иногда поднимались и снова падали - до очередного, недавнего запуска, состоявшегося в 2001 году. Сегодняшнее Cambridge University Russian Society официально провозглашено "самым активным обществом в Кембридже"; в орбите его деятельности около тысячи человек - студенты, аспиранты, совсем не связанные с университетом люди, не всегда русскоговорящие, из Кембриджа, окрестностей и других английских городов.

В Кембридже официальные оценки русских принципиально противоположны и, следовательно, позитивны. Как сказал о нас профессор Кейнс в заключение своего выступления: "Не вызывает сомнения тот большой академический вклад, которые русские внесли в Кембридж в самых различных областях, но то, что, по моему опыту, объединяет их всех – это отличительное дружелюбие и очарование. Мы надеемся встретить нечто подобное и в будущем".

У нас, действительно, довольно легко получается быть очаровательными и дружелюбными в здешнем пространстве - столь очаровательно-дружелюбном по отношению к нам и русской культуре. Тем не менее, прохладное отношение к самой России вызывает разделение и в наших рядах. Стараясь во благо Русского Общества, мы восполняем не столько то, что мы потеряли, но, скорее, то, чего у нас и не было в достатке на нашей родине: культуры и интеллигентности, самоуважения и взаимоуважения, системы взаимопонимания и взаимопомощи - тех сил, которые и формируют общество, как оно есть. Россия остаётся с нами в душе - но мы делаем её другой, новой, какой мы хотим её видеть. Нам ещё многое предстоит совершить для Русской Англии: получить мемориальную комнату им. В. Набокова, издать книгу о русских в Кембридже. Надеюсь, нашего очарования хватит на выбивание необходимых для этого средств. Будем стараться.